

— Да, все.

Тогда она сказала съ серьезнымъ спокойствіемъ:

— Я заставлю васъ перемѣнить о себѣ мнѣніе, Мюскадъ.

Затѣмъ подошла къ матери, которая шла медленными шагами, опустивъ голову, той лѣнливой походкой, которую принимаютъ, когда, гуляя, разговариваютъ очень тихо объ интимныхъ и пріятныхъ вещахъ. Идя, она выводила зонтикомъ разныя фигуры, быть можетъ, буквы на песокъ и говорила, не глядя на Савала, говорила много, — медленно опираясь на его руку, прижимаясь къ нему.

Иветта вдругъ взглянула на нее и подозрѣніе, смутное, неопредѣленное, которое она даже не формулировала словами, пронеслось у ней въ головѣ, какъ иногда проносится надъ землей тѣнь облака, гонимаго вѣтромъ.

Колоколъ призывалъ къ завтраку. Завтракъ прошелъ въ молчаніи, почти угрюмомъ. Въ воздухѣ пахло, какъ говорится, грозой. Большія, неподвижныя тучи, казалось, притаились на горизонтѣ, безмолвныя и тяжелыя, но зараженныя грозой.

Какъ только отпили кофе на террасѣ, маркиза спросила:

— Ну, милая, ты не пойдешь гулять съ своимъ пріятелемъ Сервиньи? — Сегодня какъ разъ такая погода, чтобы гулять въ лѣсу.

Иветта быстро взглянула на нее, но тотчасъ же отворотилась:

— Нѣтъ, мамаша, сегодня я не выйду изъ дома.

Маркиза какъ будто смутилась и стала настаивать:

— Прогуляйся, дитя мое, это тебѣ полезно.

Тогда Иветта рѣзко сказала:

— Нѣтъ, мамаша, сегодня я никуда не пойду. И ты знаешь, почему, — я тебѣ говорила вчера вечеромъ.

М-ме Обарди уже совсѣмъ забыла объ этомъ, увлеченная желаніемъ остаться наединѣ съ Савалемъ. Она покраснѣла, смутилась и встревоженная за себя, не зная, какъ ей выгадать для себя свободныхъ два-три часа, пробормотала:

— Да, правда, — я совсѣмъ забыла. Не знаю, гдѣ у меня голова.

Иветта, взявъ канвовую работу, которую она называла «общественнымъ спасеніемъ» и разъ пять или шесть въ годъ брала въ руки, во времена полного затишья, усѣлась на табуретѣ около матери, между тѣмъ какъ молодые люди, верхомъ на складныхъ стульяхъ, курили сигары.

Часы проходили въ лѣнливой и безпрестанно замиравшей бе-